

ВЕРТИКАЛЬНЫЕ И ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ РАЗДЕЛЕНИЯ В ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМАХ ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНЫХ БАЛКАН: СЛУЧАИ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ, СЕРБИИ И ХОРВАТИИ

Елсаков А. С.

Елсаков Антон Сергеевич, Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.
Эл. почта: anton.elsakov@gmail.com

В настоящей статье предпринимается попытка применения модели Лучано Барди и Питера Мэра к анализу партийных систем государств Западных Балкан с целью проследить наличие в них вертикальных и горизонтальных разделений на примере партийных систем Боснии и Герцеговины, Сербии и Хорватии. Данные разделения могут иметь воздействие как на состав и количество элементов партийной системы, так и на преобладающий способ соревнования акторов в системе. Значимое присутствие указанных разделений способно настолько изолировать отдельные функциональные арены партийной системы, в которых протекает межпартийное соревнование, что можно вести речь не о целостной партийной системе, а о наличии ряда подсистем единой партийной системы или даже о нескольких партийных системах в конкретной политике. В конечном счете целостность партийной системы определяется степенью присутствия разделений в партийной системе национального уровня и, соответственно, степенью изолированности отдельных составляющих партийной системы друг от друга. На основе данных об особенностях избирательных систем трех государств, их административно-территориальном устройстве и электоральных результатах акторов партийной системы, имеющих отношение к упомянутым разделениям, сделан вывод о варьирующейся степени значимости этих разделений для функционирования партийных систем указанных стран: в рамках партийной системы Боснии и Герцеговины в действительности существует ряд в значительной степени изолированных друг от друга партийных систем, особенно на электоральной арене, партийная система Сербии характеризуется наличием региональной подсистемы в рамках партийной системы национального уровня, в то время как в Хорватии существует единая партийная система, но с присутствием сильного регионального кластера.

Ключевые слова: политические партии, партийная система, избирательная система, подсистема партийной системы, функциональная арена, вертикальное разделение, горизонтальное разделение, социальный раскол, Босния и Герцеговина, Сербия, Хорватия, Западные Балканы.

Вертикальные и горизонтальные разделения в партийных системах

В политической науке на сегодняшний день можно выделить два основных направления в анализе партийных систем. Чаще всего партийные системы

принято исследовать, во-первых, с точки зрения числа и относительной силы акторов, присутствующих в партийной системе, где системы оцениваются на основе данных о количестве релевантных партий в системе, что позволяет делать выводы о возможном состоянии партийной системы в контексте присущих ей ограничений, определяемых ресурсными возможностями ее отдельных элементов. Во-вторых, партийные системы исследуются в зависимости от степени их идеологической поляризации, где свобода поведения акторов в системе и системные ограничения, ограничивающие данную свободу, определяются интенсивностью идеологического соревнования между акторами системы, а также средоточием тех основных вопросов, вокруг которых вращается партийное соревнование и которые, как правило, выражены в позициях политических партий по основным фундаментальным вопросам развития общества и государства.

Между тем в ряде политик существуют внутренние разделения, которые не могут быть сведены лишь к какому-либо одному идеологическому измерению системы, поскольку могут содержать элементы нескольких основных измерений, существующих в партийной системе, а также способны повлиять и на количество и силу акторов, действующих в партийной системе. Лучано Барди и Питер Мэр (см.: Bardi and Mair, 2008) выделяют три вида подобных разделений: вертикальные, горизонтальные и функциональные. Возможны ситуации, при которых одно или комбинация указанных разделений настолько явно присутствуют в партийной системе государства и в столь сильной мере определяют основную динамику межпартийного соревнования, что не приходится говорить о единой партийной системе на всех ее уровнях. В рамках различных функциональных арен (парламентской, электоральной и правительственной) может существовать в значительной степени различающаяся динамика и направленность межпартийного соревнования со своими особыми, присущими только отдельно взятой арене характеристиками, что потенциально может практически полностью изолировать отдельные части партийной системы друг от друга. Как утверждают Л. Барди и П. Мэр (Bardi and Mair, 2008), «способность конкретной политики иметь более чем одну партийную систему... может быть связана с важными разделениями внутри самой политики... Вертикальные разделения ассоциируются прежде всего с сегментированными политиями или с политиями, в которых острый раскол полностью отделяет два избирательных корпуса. Горизонтальные разделения могут ассоциироваться с сильно децентрализованными политическими системами, в которых более низкие политические единицы обладают значительной автономией в использовании своих политических прерогатив». Присутствие упомянутых разделений может нам позволить заключить, что почти невозможно говорить о какой-либо конкретной политике, характеризующейся единой, или единственной, партийной системой. Однако системы, характеризующиеся подобными разделениями, не обязательно должны быть полностью отделенными друг от друга, и реальная степень несоответствия между отдельными составными

частями партийной системы будет главным образом зависеть от относительной открытости каждой из них.

Цель настоящей статьи — попытаться применить модели Л. Барди и П. Мэра к анализу партийных систем в политиях региона Западных Балкан, характеризующихся как мультиэтническим, так и более гомогенным составом населения; как четкими тенденциями децентрализации государственного устройства, так и менее ярко выраженными элементами регионализма. В статье демонстрируется варьирующаяся степень значимости внутренних разделений для функционирования партийных систем Боснии и Герцеговины, Сербии и Хорватии. Кроме того, в последней части статьи указывается на взаимосвязь присутствующих в партийных системах внутренних разделений и социальных расколов как структурных оснований формата партийных систем.

Вертикальное разделение в партийной системе Боснии и Герцеговины: отдельные партийные системы в рамках национальной партийной системы

По Дейтонскому соглашению 1995 г. государственное и административно-территориальное устройство Боснии и Герцеговины (БиГ) весьма специфично. В литературе встречаются такие категоризации БиГ, как «асимметричная конфедерация», «союз двух самостоятельных политических образований», «сегментированное государство», «слабая федерация», «неполная федерация» и т.д. (см.: Mujagić, 2015). Хотя и нельзя говорить, что Босния и Герцеговина является классическим примером государства, построенного на основе принципа этнического федерализма, так как это бы подразумевало организацию каждой этнической группы в виде федеральной единицы, ряд авторов считает: в политическом смысле данный элемент очевиден и отражен в концепции конституционных народов. Нермина Муягич (Mujagić, 2015), к примеру, отмечает, что Босния и Герцеговина является политическим союзом трех конституционных народов, а ее государственное устройство основано на видимых элементах этнического федерализма. Очевидно, что современная структура государственных институтов БиГ отражает попытку реализации на практике модели консоциативной (сообщественной) демократии, опирающейся на концепцию мирного сосуществования четко разграниченных между собой сообществ, как правило, идентифицирующих себя в качестве отдельных этнических групп (см.: Lijphart, 1969; 1977). В данной связи крайне важна специфика избирательной системы Боснии и Герцеговины: государство не является одной избирательной единицей, а имеет избирательные единицы нескольких уровней, в зависимости от того, о выборах в органы власти какого уровня идет речь. Распределение мест по итогам выборов в нижнюю палату парламента общенационального уровня (Палату депутатов Парламентской ассамблеи Боснии и Герцеговины) происходит в соответствии с результатами, продемонстрированными участниками выборов в двух больших избирательных единицах (ИЕ),

соответствующих энтитетам (политическим единицам, составляющим БиГ): 501 ИЕ (Федерация Боснии и Герцеговины, ФБиГ) и 502 ИЕ (Республика Сербская, РС). Однако для определения конечного результата, показанного участниками выборов в этих двух единицах, каждая из них делится, в свою очередь, еще на несколько избирательных единиц. Таким образом, фактически партии попадают в национальный парламент Боснии и Герцеговины сообразно своим результатам в пяти избирательных единицах, составляющих 501 ИЕ (с 511 по 515 ИЕ), и в трех избирательных единицах, составляющих 502 ИЕ (с 521 по 523 ИЕ).

Непростые исторические обстоятельства становления наций-этносов на территории страны (в составе населения которой можно отметить три основные этнические группы — боснийцев-мусульман, сербов и хорватов), отмеченные процессами взаимного противостояния, в том числе и цивилизационного характера, делают весьма вероятным существование в политике Боснии и Герцеговины структурных расколов в понимании С. Липсета и С. Роккана (см.: Lipset and Rokkan, 1967) в виде политического разделения по этническому основанию и отсюда крайнюю релевантность так называемого второго (ценностного), основанного на чувстве идентичности (в противовес «первому», экономическому/материалистическому), идеологического измерения в партийной системе Боснии и Герцеговины, что создает благоприятную почву для существования ярко выраженного вертикального разделения в партийной системе государства. Для выявления наличия этого разделения важно определить, насколько стабильными во времени являются результаты партий, ориентирующихся на четко определенные этнические группы населения. С этой целью нами была подсчитана совокупная электоральная волатильность так называемых партий национальных корпусов и партий «гражданской» ориентации на протяжении трех избирательных циклов (выборов в Палату депутатов Парламентской ассамблеи Боснии и Герцеговины (ПА БиГ) с 2006 по 2014 г.)¹ на основе методологии М. Педерсена (см.: Pedersen, 1979). Соответствующие данные представлены в табл. 1 и 2.

Источник для табл. 1–2: собственные вычисления автора на основе методологии М. Педерсена и данных по выборам в Палату депутатов Парламентской ассамблеи Боснии и Герцеговины.

Как видно из табл. 1, волатильность политических партий хорватского и сербского электоральных корпусов является крайне незначительной и стабильной во времени. Это указывает: вне зависимости от того, как именно партии ротируются

¹ Под партиями «национального корпуса» мы здесь подразумеваем партии, которые в своей деятельности ориентируются на / апеллируют к электорату, который преимущественно составляет конкретная этническая группа населения. Очень часто, однако необязательно всегда, подобные партии в своем названии содержат определенный этноним. Под партиями «гражданской» ориентации, соответственно, мы подразумеваем партии, которые не содержат подобные этнонимы в своем названии, в своих программных документах особо подчеркивают свою кросс-сообщественную идентичность, а их деятельность, по крайней мере, формально направлена на политическую активность в пределах всех этнических сообществ.

Таблица 1

Электоральная волатильность в партийной системе Боснии и Герцеговины среди партий сербского и хорватского избирательных корпусов по избирательным единицам, % голосов

ИЕ	Сербский электоральный корпус		Хорватский электоральный корпус	
	2014–2010 гг.	2010–2006 гг.	2014–2010 гг.	2010–2006 гг.
511	-0,28	2,51	2,48	0,13
512	-	-1,41	2,63	1,92
513	-0,44	-0,99	0,58	-0,17
514	-0,29	-0,33	1,34	-1,92
515	-0,04	-0,22	-0,20	0,32
521	1,27	0,65	-0,29	-0,10
522	3,63	1,47	-1,69	0,12
523	2,39	2,27	-	-

Таблица 2

Электоральная волатильность в партийной системе Боснии и Герцеговины среди партий боснийско-мусульманского избирательного корпуса и партий «гражданской» ориентации по избирательным единицам, % голосов

ИЕ	Боснийско-мусульманский электоральный корпус		Партии «гражданской» ориентации	
	2014–2010 гг.	2010–2006 гг.	2014–2010 гг.	2010–2006 гг.
511	10,50	-9,58	-11,88	6,09
512	1,71	-7,42	-4,35	6,94
513	-0,87	-12,85	0,72	14,56
514	7,02	-10,75	-8,05	12,98
515	11,61	-8,65	-11,37	5,55
521	-0,74	-1,91	-0,25	1,36
522	-0,12	-1,71	-1,80	-0,11
523	-1,04	-3,25	-1,33	-0,96

между собой внутри своего электорального корпуса, они коллективно сохраняют своих избирателей именно как партии одного избирательного корпуса. Столь низкая избирательная неустойчивость говорит о наличии связей высочайшей степени прочности между избирателями и их политическими представителями в среде определенного этнического электората. О невозможности акторов системы установить подобную прочную связь при отсутствии базирующихся на вопросах идентичности элементов говорит также тот факт, что в избирательных единицах, где число населения, относящегося к конкретной этнической группе,

Таблица 3

Результат партий хорватского и сербского электоральных корпусов на выборах в Палату депутатов Парламентской ассамблеи Боснии и Герцеговины по избирательным единицам, % голосов

ИЕ	ХК			СК		
	2014 г.	2010 г.	2006 г.	2014 г.	2010 г.	2006 г.
511	15,58	13,1	12,97	3,36	3,64	1,13
512	58,88	56,25	54,33	–	–	1,41
513	2,12	1,54	1,71	0,64	1,08	2,07
514	17,96	16,62	18,54	–	0,29	0,62
515	8,54	8,74	8,42	0,20	0,24	0,46
521	0,46	0,74	0,84	91,24	89,97	89,32
522	1,17	2,86	2,74	89,18	85,55	84,08
523	–	–	–	92,13	89,74	87,47

Таблица 4

Результат партий боснийско-мусульманского электорального корпуса и партий «гражданской» ориентации на выборах в Палату депутатов Парламентской ассамблеи Боснии и Герцеговины, по избирательным единицам (ИЕ), % голосов

ИЕ	БК			ГП		
	2014 г.	2010 г.	2006 г.	2014 г.	2010 г.	2006 г.
511	52,10	41,60	51,18	28,95	40,83	34,74
512	26,14	24,43	31,85	14,99	19,34	12,40
513	52,43	53,30	66,15	44,81	44,09	29,53
514	57,40	50,38	61,13	24,65	32,69	19,71
515	56,21	44,60	53,25	35,06	46,43	37,88
521	4,33	5,06	6,97	3,98	4,23	2,87
522	5,63	5,75	7,46	4,02	5,82	5,71
523	6,26	7,30	10,55	1,61	2,94	1,98

Примечание для табл. 3–4: ХК — доля голосов партий хорватского электорального корпуса, СК — партий сербского электорального корпуса, БК — партий боснийско-мусульманского электорального корпуса, ГП — партий «гражданской» ориентации.

Источник для табл. 3–4: собственные вычисления автора на основе данных по выборам в Палату депутатов Парламентской ассамблеи Боснии и Герцеговины в 2006, 2010 и 2014 г.

невелико, партии, апеллирующие к этой группе населения, либо вовсе не участвуют в выборах, либо показывают весьма скромный результат. Это хорошо заметно на примере голосования за партии хорватского избирательного корпуса с 2006 по 2014 г. (табл. 3–4, где также приведены соответствующие данные для

партий «гражданской» ориентации, сербского и боснийско-мусульманского избирательных корпусов). Соответствующие данные мы соотносим с долями этнических групп в общем составе населения страны (табл. 5–6).

Данные, представленные в табл. 1–4, свидетельствуют о том, что избирательные результаты партий сербского и хорватского этнических корпусов почти без исключения согласуются с долями этих этнических групп в общем составе населения Боснии и Герцеговины, изменяясь пропорционально увеличению или уменьшению этих долей в составе населения. Между тем, в Федерации Боснии и Герцеговины (кроме 512 ИЕ) результат партий боснийско-мусульманского корпуса значительно меньше, чем доля этой этнической группы в составе населения энтитета (в 511 ИЕ разница составляет 19%, в 513 ИЕ — 31,9%, в 514 ИЕ — 14,7%, в 515 ИЕ — 25,8%). При этом именно в этих избирательных единицах партии «гражданской» ориентации имеют свои наилучшие результаты. Данные по электоральной волатильности двух групп партий здесь являются показательными: волатильность партий боснийско-мусульманского электорального корпуса находится в прямой связи с волатильностью партий «гражданской» ориентации (см. табл. 1) таким образом, что совокупное приобретение одних почти прямо пропорционально совокупным потерям других, что говорит о взаимопересечении их электоратов и указывает на то, что основной результат партиям «гражданской» ориентации в данных избирательных единицах приносит боснийско-мусульманский электорат. Поэтому, если учитывать результат партий «гражданской» ориентации, то аналогичная тенденция пропорциональности результатов партий этническому составу населения территорий характерна и для партий боснийско-мусульманского корпуса в тех избирательных единицах, где данная этническая группа не составляет большинство населения (единицы со значительным преобладанием сербского населения, относящиеся к Республике Сербской, а также 512 ИЕ, где большинство составляют хорваты).

Низкие показатели избирательной неустойчивости среди партий хорватского и сербского электоральных корпусов наряду с соответствием распределения голосов избирателей в отдельных избирательных единицах этническому составу населения в этих избирательных единицах, а также взаимопересечение электоратов боснийско-мусульманских партий и партий «гражданской» ориентации указывают на соревнование *внутри* этнически определенных электоратов как основную черту поля межпартийной конкуренции большинства партий в системе. Очевидно, что партийная система Боснии и Герцеговины в данном смысле отражает глубокое разделение государства по национальным корпусам, каждый из которых закрыт в собственных границах и достаточно надежно изолирован от внешних воздействий. Данное *вертикальное разделение*, характерное для глубоко сегментированных обществ, способно приводить к обособленности динамики соревнования на электоральном уровне партийной системы государства до такой степени, что зачастую не приходится говорить о единой партийной системе как таковой на всех функциональных аренах межпартийного соревнования, а скорее

Таблица 5

Доля трех основных этнических групп в общем составе населения Федерации Боснии и Герцеговины, по кантонам и избирательным единицам

ИЕ	Кантон в Федерации БиГ	Население, чел.	Боснийцы-мусульмане, %	Хорваты, %	Сербы, %
511	Унско-Санский	273261	90,03	1,86	3,09
	Ливаньский	84127	9,55	76,79	12,96
	По ИЕ в целом	357388	71,08	19,50	5,42
512	Герцеговинско-Неретванский	222007	41,44	53,29	2,90
	Западногерцего-винский	94898	0,76	98,76	0,11
	По ИЕ в целом	316905	29,26	66,90	2,06
513	Босанско-Подриньский	23734	94,01	0,10	3,73
	Кантон Сараево	413593	83,80	4,24	3,22
	По ИЕ в целом	437327	84,35	4,01	3,24
514	Зеничско-Добойский	364433	82,17	12,02	1,52
	Среднебосанский	254686	57,58	38,33	1,19
	По ИЕ в целом	619119	72,05	22,85	1,39
515	Посавский	43453	18,99	77,32	1,91
	Тузланский	445028	88,16	5,30	1,59
	По ИЕ в целом	488481	82,01	11,71	1,62

Источник: данные получены автором на основе информации, содержащейся в переписи населения Федерации Боснии и Герцеговины 2013 г. (см.: Popis stanovništva, domaćinstava/kućanstava i stanova u Bosni i Hercegovini 2013. godine).

Таблица 6

Доля трех основных этнических групп в общем составе населения Республики Сербской, по избирательным единицам

ИЕ	Население, чел.	Боснийцы-мусульмане, %	Хорваты, %	Сербы, %
521	527840	10,14	1,93	85,13
522	340578	13,28	4,45	80,24
523	301924	15,35	0,38	82,22

Источник: данные получены автором на основе информации, содержащейся в переписи населения Республики Сербской 2013 г. (см.: Попис становништва, домаћинства и станова у Републици Српској 2013. године).

о ряде обособленных партийных систем, для каждой из которых характерны свои «возможности и ограничения» (см.: Sartori, 1976), действующие для акторов. Между тем, на парламентском уровне партийной системы соответствие результатов партий этнических электоратов долям населения, делающее вертикальное

разделение центральным для межпартийного соревнования на электоральном уровне, существенным образом нивелируется нарезкой избирательных единиц, произведенной таким способом, что в случае с Федерацией Боснии и Герцеговины они (кроме 513 и отчасти 515 ИЕ) включают кантоны, в составе населения которых нет тотального преобладания какой-либо одной этнической группы. Кроме того, обособленность партийных систем электорального уровня частично смягчается и несколько видоизменяется на парламентской арене еще и по причине осознанно избираемых политическими партиями как рационально действующими акторами стратегий: пройдя в парламент, партии уже не имеют необходимости столь четко стремиться к завоеванию голосов избирателей, как это происходит на электоральной арене, а приобретают стимул к поиску дополнительных путей, которые бы позволили им максимизировать свои позиции на этом уровне, что может допускать и тактику сотрудничества *ad hoc*; между тем, необходимость по-возможности соответствовать настроениям своих электоратов, чтобы иметь возможность быть избранными и в дальнейшем, не исчезает, и потому партии, будучи вынужденными сотрудничать в парламенте, делают это, как правило, с оглядкой на стремления своих избирателей. Таким образом, обособленные партийные системы электоральной арены (где первичной целью партий является завоевание голосов) могут образовывать одну партийную систему на уровне политики в целом, поскольку политические процессы в каждой из частей системы частично пересекаются на правительственном (где существует необходимость участия в выработке политических решений) и парламентском (с императивом необходимости взаимодействия с союзническими или соперничающими партиями) уровнях. На то, что все же возможно вести речь об общей партийной системе Боснии и Герцеговины, в которой присутствуют классические для партийных систем идеологические измерения, указывает и существование в партийной системе релевантных для нее партий «гражданской» ориентации (упомянем здесь Социал-демократическую партию Боснии и Герцеговины и Демократический фронт); однако формально апеллируя к электорату всех этнических корпусов, подобные партии в реальности привлекают голоса в основном боснийско-мусульманского электората (см.: Kapidžić, 2015). Поэтому, несмотря на наличие формальных попыток таких партий конкурировать в системе, используя пересекающую этнические электораты риторику, партийная система БиГ все же определяется соревнованием между партиями этнических электоратов, чему способствуют различия в позициях этнических сообществ в отношении желательного варианта государственного устройства Боснии и Герцеговины (см.: Елсаков, 2017). Сербский корпус заинтересован в сохранении нынешнего государственного устройства Боснии и Герцеговины, основанного на Дейтонских соглашениях, где существуют два энтитета; хорватский корпус также в принципе незаинтересован в сильной централизации власти, что могло бы создать более благоприятные условия для доминирования боснийско-мусульманского сообщества в обстоятельствах его численного преобладания (часть партий хорватского корпуса при этом даже призывает

к пересмотру Дейтонских соглашений в направлении создания третьего энтитета в БиГ). Интересы же боснийско-мусульманского корпуса и партий «гражданской» ориентации в данном контексте взаимно перекликаются: последние выступают за единую Боснию и Герцеговину без каких-либо разделительных линий, тогда как численное преобладание первых в общем составе населения страны не только не поставило бы под угрозу возможность свободной деятельности в интересах своего сообщества, но и потенциально позволило бы приобрести возможность принятия значимых государственных решений не только в Федерации БиГ, но и в масштабе всего государства. Поэтому в условиях наличия в партийной системе Боснии и Герцеговины идеологических измерений, в соответствии с которыми происходит самоопределение избирателей, характерных для любой партийной системы, таких, как материалистическое (экономическое) и ценностное измерения, определенная часть избирателей боснийско-мусульманского корпуса может позволить себе голосовать за партии «гражданской» ориентации, тогда как для сербского и большей части хорватского электората это бы являлось контрпродуктивным. Следствием этого являются слабые результаты партий «гражданской» ориентации на территориях с преобладающим сербским и хорватским населением (см. табл. 4).

Таким образом, в качестве общей категории партийную систему Боснии и Герцеговины можно условно представить как содержащую *три* (или четыре, если учитывать партии «гражданской» ориентации) *электоральные партийные системы* — внутри боснийско-мусульманского, хорватского и сербского избирательных корпусов; *две парламентские партийные системы* — в контексте противопоставления партий, отстаивающих нынешний статус Боснии и Герцеговины как основанной на Дейтонских соглашениях, предусматривающих наличие в государстве двух энтитетов, обладающих значительной автономией, с одной стороны, и партий, отстаивающих необходимость централизации или унитаризации БиГ, с другой стороны; и одну (но отнюдь не единую) правительственную партийную систему, где сталкиваются эти разнонаправленные тенденции и происходит окончательное принятие решений в политической системе государства в виде формирования конкретных политик на уровне государства.

Горизонтальное разделение в партийной системе Сербии: региональная партийная подсистема партийной системы национального уровня

Согласно конституции, Сербия является унитарным государством, однако в ее составе находятся два автономных края — Воеводина и Косово и Метохия. Поскольку уже в течение долгого времени центральные власти Сербии в реальности не контролируют территорию последнего, а почти все акторы партийной системы края Косово не считают себя политическим компонентом сербского государства, не имеет аналитического смысла заниматься рассмотрением

партийной системы Косово в общем контексте сербской партийной системы, так как там существует собственная партийная система, уже с начала 1990-х гг. имевшая свои отличительные особенности, а с начала 2000-х гг. и вовсе приобретающая совершенно независимый от национальной системы статус и динамику. Однако автономный край Воеводина обладает особенностями, способными прямым образом отражаться на конфигурации партийной системы Сербии: он имеет свои органы власти (как законодательной — Скупщину автономного края Воеводина, так и исполнительной — правительство автономного края Воеводина), что является институциональным условием возможности развития определенной динамики межпартийного соревнования, которая бы отличалась от национального уровня, а также характеризуется достаточно большой концентрацией нескольких этнических сообществ, проживающих на его территории, что также способно повлиять на взаимодействие акторов в партийной системе. Указанные особенности делают вероятным возникновение горизонтального разделения в партийной системе Сербии, которое, согласно Барди и Мэру (Bardi and Mair, 2008), может характеризоваться как различным набором основных акторов на разных уровнях государственного управления, так и различными стратегиями, избираемыми этими акторами. Соответственно, для определения наличия горизонтального разделения в партийной системе Сербии необходимо обращать внимание на эти два параметра. Следующие обстоятельства представляются важными в данной связи. Во-первых, в партийной системе Сербии существует ряд партий, являющихся значимыми акторами на региональном уровне, которые не обладают той же степенью значимости на национальном уровне. В качестве подобных релевантных региональных политических акторов можно выделить две политические партии — Лигу социал-демократов Воеводины (ЛСВ) и Союз воеводинских венгров (СВВ).

Обе региональные партии имеют весомый электоральный результат на выборах в парламент автономного края, в то время как на национальном уровне их результат более слабый (ЛСВ самостоятельно вообще не выходит на выборы республиканского уровня). При этом электоральные позиции большинства остальных партий в системе не различаются существенно при сопоставлении регионального и национального уровней. Во-вторых, в правительственной партийной системе имеет место различная динамика протекания политического процесса на региональном и национальном уровнях: в то время как правительство Сербии, после долгого периода правления коалиции во главе с Демократической партией (ДП), уже после выборов 2012 г. формируется Сербской прогрессивной партией (СПП) в союзе с Социалистической партией Сербии (СПС) и миноритарными коалиционными партнерами (что было подтверждено еще более весомой электоральной победой СПП над ДП на выборах национального уровня в 2014 г.), региональное воеводинское правительство вплоть до выборов 2016 г. контролировалось Демократической партией и ее коалиционными партнерами. Различающийся характер соревнования национального и регионального уровней на электоральной и правительственной

аренах партийной системы Сербии и присутствие в ней акторов, не действующих с одинаковой степенью значимости на обоих уровнях партийной системы, указывает на существование горизонтального разделения в ней. В своей статье Барди и Мэр (см.: Bardi and Mair, 2008) допускали, что горизонтальное разделение в партийной системе может быть довольно сильным и, как и вертикальное разделение, приводит к наличию по сути нескольких партийных систем в рамках партийной системы национального уровня. Если, как было сказано ранее, это является верным в ситуации с партийной системой Боснии и Герцеговины, то в случае с партийной системой Сербии этого не происходит. Дизайн избирательной системы, при котором, в отличие от Боснии и Герцеговины, территория Сербии представляет собой одну избирательную единицу, является дополнительным фактором, смягчающим присутствие внутреннего разделения в партийной системе. На то, что тенденция регионализма не развилась в такой степени, чтобы образовать отдельную от национальной партийной системы партийную систему регионального уровня, указывают различия в политическом профиле региональных акторов партийной системы и различающиеся стратегии их поведения на краевом и национальном уровнях. Лига социал-демократов Воеводины на выборы в региональный парламент выходит самостоятельно, не образуя коалиции с другими значимыми акторами партийной системы национального уровня, в то время как на выборы республиканского уровня эта партия выходит в составе широкой коалиции, как правило, ведомой Демократической партией, а после ее раскола (на парламентские выборы 2016 г.) — Социал-демократической партией (СДП). Что же касается Союза венгров Воеводины, то он выходит на выборы как регионального, так и национального уровня самостоятельно, но, если на первом уровне он является значимым актором, то его самостоятельное выступление на выборах национального уровня объясняется тем, что ему, вне зависимости от электорального результата, гарантированы мандаты в республиканском парламенте благодаря наличию квоты для партий этнических меньшинств. В программно-идеологическом смысле АСВ является либертарианской партией и подчеркивает свою космополитичную ценностную ориентацию, выступает за максимально широкую автономию Воеводины в составе Сербии, а также принципиально находится в оппозиции к современному республиканскому правительству. СВВ же представляет, прежде всего, интересы проживающего в значительном количестве в Воеводине венгерского этнического меньшинства, и его ценностная ориентация гораздо более эклектична, нежели это имеет место у АСВ²; он склонен сотрудничать с любым

² Такая ситуация, за редкими исключениями, является типичной и для иных политических партий, представляющих интересы национальных меньшинств, причем не только в Воеводине (например, партии венгерского, хорватского, словацкого этнических меньшинств и др.), но и в других частях Сербии (к примеру, партии боснийско-мусульманского и албанского этнических меньшинств), для которых характерна довольно нечеткая определенность идеологических позиций при помещении в центр своей программной ориентированности защиты интересов своего сообщества.

правительством при готовности последнего обращать внимание на обеспечение интересов электората партии, и ему не свойственны радикальные автономистские позиции. Учитывая определенную разнонаправленность политических акцентов основных региональных акторов, а также принимая во внимание то, что основные акторы партийной системы национального уровня сохраняют свое ведущее положение и на региональном уровне, не демонстрируя значимой разницы в своем электоральном результате на обоих уровнях, с нашей точки зрения, можно вести речь о существовании *региональной подсистемы* (а не полноценных партийных систем, как в случае с Боснией и Герцеговиной) в рамках национальной партийной системы Сербии как отражении процессов, связанных с присутствием в ней *горизонтального разделения*. В этой подсистеме существуют свои характерные возможности и ограничения поведения для акторов системы, предопределяющие механизм функционирования межпартийного соревнования, которые, однако, не делают ее изолированной от основных параметров протекания политических процессов в партийной системе национального уровня. Для данной региональной подсистемы свойственны классические для партийных систем идеологические измерения, и она является органичной частью национальной партийной системы Сербии. Как и в национальной партийной системе, в воеводинской партийной подсистеме присутствуют партии различной программной направленности, как по экономическому, так и по ценностному идеологическим измерениям, большинство политических партий партийной системы национального уровня сохраняет свое значимое и даже определяющее присутствие в региональной подсистеме, а регионализм не развился в ней до такой степени, чтобы стать организующим направлением протекания краевого политического процесса элементом. Вместе с тем, характерные черты межпартийных взаимодействий в Воеводине, такие как возможность существования различий в стратегиях коалиционного поведения акторов на региональном и национальном уровне, возникновение ситуаций, когда набор политических сил, находящихся у власти на региональном и национальном уровне, является различным, наличие акторов регионального уровня, способных в той или иной степени влиять на протекание регионального политического процесса (при отсутствии у них таких возможностей на национальном уровне), некоторые различия в подходе акторов партийной системы национального уровня к взаимодействию с электоратом на двух уровнях (например, в виде акцентирования внимания на вопросах регионального или общегосударственного характера, различий в основных лозунгах и названиях предвыборных коалиций и т.п.) в качестве особенности среды политической системы, с одной стороны, и существование совокупности государственных органов регионального уровня в качестве институционального условия существования горизонтального разделения, с другой стороны, предопределяют присутствие в партийной системе Сербии этого внутреннего разделения.

Также следует отметить, что партии этнических меньшинств не являются системообразующими акторами в определении общего паттерна развития со-

ревнования в сербской партийной системе национального уровня (в первую очередь, в силу своего незначительного удельного веса в ней), и не выступают единым фронтом как партии определенного этнического меньшинства в противопоставлении себя другим меньшинствам или доминантной этнической группе, участвуя в различных в рамках корпуса своего национального меньшинства коалиционных объединениях с релевантными акторами на электоральном или парламентском уровнях партийной системы Сербии (к примеру, Союз воеводинских венгров и Демократическое сообщество воеводинских венгров в рамках венгерского этнического корпуса). Многие из этих партий различаются между собой, как по своему мировоззренческому профилю, так и в отношении видения основных путей развития государства, а подчас места и роли своего этнического сообщества в нем (исключение составляют, пожалуй, лишь партии албанского этнического меньшинства из приграничного с Косово региона Прешевской долины, всегда выступающие как единое целое по отношению к центральным властям Сербии). Эти обстоятельства предопределяют невозможность возникновения значимого для функционирования партийной системы Сербии вертикального разделения.

Элементы регионализма в рамках единой партийной системы Хорватии

Возможность наличия внутренних разделений в партийной системе Хорватии предопределяют следующие факторы. Во-первых, избирательная система Хорватии такова, что территория страны не является единым избирательным округом: партии попадают в парламент не пропорционально своим результатам по стране в целом, а согласно преодолению 5-процентного барьера в каждой из двенадцати избирательных единиц, десять из которых состоят из ряда административных образований (жупаний), одиннадцатая представляет собой коллективную избирательную единицу хорватской диаспоры за рубежом, а двенадцатая зарезервирована для представителей национальных меньшинств. Поскольку партии проходят в парламент в зависимости от своего результата в отдельных избирательных округах, возможна ситуация, при которой в хорватский парламент попадают партии, часто получающие значительно меньшее число голосов по стране в целом, чем те, которые не прошли в состав парламента, поскольку первые в определенных единицах преодолели порог получения мандата (при этом в других могли вообще не выходить на выборы), тогда как последние ни в одной из избирательных единиц не набрали необходимых 5% голосов. В этом контексте выбранный законодателем вариант избирательной системы говорит о достаточно высокой значимости региональных вопросов на национальном уровне и предпринятой однажды попытке учета значимых локальных интересов на национальном уровне без формального движения государства по пути федерализации или иных проявлений автономизации. Тем самым исчезают институциональные условия для присутствия четкого горизонтального разделения

в партийной системе. В-третьих, для партийной системы Хорватии в целом более характерно наличие политических партий региональной направленности, нежели это имеет место в Сербии, однако большинство подобных партий, несмотря на их число, не имеют значимого электорального веса. В то же время существует ряд исключений: указанная особенность избирательной системы способствует попаданию в парламент партий, имеющих свои четко выраженные «сильные» избирательные единицы и с постоянством демонстрирующих там довольно высокий результат. Так, Истрийское демократическое собрание (ИДС) регулярно находится в тройке лидеров в 8 ИЕ (историческая область Истрия) и получает мандаты в национальном парламенте только от этой единицы, в то время как в других единицах оно не участвует в выборах. Такая же ситуация имеет место и с Хорватским демократическим союзом Славонии и Бараньи (ХДССБ), который имеет довольно прочные позиции в 4 и 5 ИЕ (историческая область Славонии и Бараньи), при этом не выходя на выборы в остальных округах.

Отмеченное присутствие значимых для определенных избирательных единиц политических акторов указывает на наличие элементов регионализма в современной хорватской партийной системе, связанное с тем, что на протяжении истории территория нынешней Хорватии находилась в составе различных государств, для которых были характерны свои политико-культурные особенности, и лишь после 1991 г. она существует в своих нынешних границах. Как отмечает Лино Веляк (Veljak, 2002), данное разделение во многом было перенесено и в настоящий период, выражаясь в определенных архетипах мышления населения различных областей Хорватии. Социокультурная особенность полуострова Истрия заключается в этнической неоднородности населения (присутствии в составе его населения немалочисленного итальянского и словенского меньшинств) при развитости сферы услуг в экономике региона, в особенности, туристической отрасли, тогда как область Славонии и Бараньи является этнически гомогенным сельскохозяйственным регионом, характеризующимся традиционным укладом общественной жизни. Несмотря на то, что и Истрийское демократическое собрание и Хорватский демократический союз Славонии и Бараньи стремятся к усилению элемента децентрализации в политической жизни страны и повышению прерогатив местных административных единиц, здесь, как и в ситуации с выраженностью элементов регионализма в партийной системе Сербии, две указанные партии несколько различаются по своим позициям относительно желательной степени децентрализации структуры государственного управления: ИДС периодически выступает с довольно радикальных позиций придания региону Истрии особого статуса в рамках единого государства (в этом аспекте данная позиция близка аналогичной позиции Лиги социал-демократов Воеводины в отношении автономии Воеводины в составе Сербии), тогда как ХДССБ не декларирует подобных устремлений. Кроме того, крайне важным моментом является то, что, как и в партийной системе Сербии, основные акторы

партийной системы Хорватии занимают ведущие позиции и в «сильных» для региональных акторов избирательных округах.

Поэтому, несмотря на то, что региональная проблематика в целом является достаточно актуальной для внутривластной жизни Хорватии, все же она не образует значимого регионального измерения в ее партийной системе, схожего с расколом «центр–периферия» в понимании Липсета и Роккана (см.: Lipset and Rokkan, 1967), а органично вписывается в доминирующее в партийной системе государства разделение по оси «либертарианство — традиционализм»: ИДС, являясь либертарианской партией по ценностному идеологическому измерению, ставит в центр своей деятельности продвижение элементов мультикультурализма в регионе Истрия и подчеркивает значительную роль туризма в экономике страны, тогда как ХДССБ, будучи партией консервативной ориентации, акцентирует внимание на развитии государства на основе традиционных ценностей хорватского народа, защите крестьянства и стимулировании аграрного производства.

Херберт Китчелт (см.: Kitschelt, 1992; 1995), говоря об иерархии политических расколов в посткоммунистической Центрально-Восточной Европе, утверждает, что конфликты, относящиеся к самому определению государственного сообщества, превосходят другие типы социальных конфликтов. Вооруженный конфликт в бывшей СФРЮ первой половины 1990-х гг., сопряженный с процессом становления независимого хорватского государства, отягощенный напряженными отношениями с соседней Сербией (в то время — СР Югославией) и сопровождавшийся соответствующим дискурсом, объясняет гармоничность существования регионального компонента партийной системы Хорватии внутри основного для ее партийной системы ценностного измерения. Поскольку приграничная с Сербией область Славонии и Бараньи являлась одним из эпицентров хорватско-сербского противостояния (здесь до начала конфликта традиционно проживало значительное количество сербского населения), мировоззренческий традиционализм ХДССБ логично встраивается в данный контекст. Полуостров Истрия, в свою очередь, был наиболее отдаленным от указанного конфликта регионом Хорватии, что вкупе с его полиэтничной культурой предопределяет космополитичную ориентацию ИДС. Присутствие регионального компонента в рамках доминирующего идеологического измерения проявляется на разных уровнях партийной системы: в электоральной партийной системе, в случае образования коалиций с другими партиями, ИДС традиционно делает это с левыми по ценностному измерению партиями — Социал-демократической партией и Хорватской народной партией, а ХДССБ — с партиями традиционалистской ориентации, например, Хорватской консервативной партией. Тот же паттерн характерен и для взаимодействия партий в парламенте, с тем, что на парламентской арене партийной системы региональный компонент дополнительно проявляется в том, что как для ИДС, так и для ХДССБ, характерна деятельность в виде самостоятельных парламентских фракций.

Таким образом, присутствие в партийной системе Хорватии ряда партий, имеющих стабильную, проявляющуюся на протяжении нескольких электоральных циклов укорененность на определенном территориальном пространстве, является показателем существования в партийной системе определенного кластера, носящего регионалистский характер. Избирательная система Хорватии при этом способствует переносу регионалистских элементов с электорального на парламентский уровень партийной системы. Тем не менее, во-первых, данный кластер не столь силен в численном отношении, чтобы образовать устойчивое разделение горизонтального характера, и гармонично существует в рамках основного идеологического измерения партийной системы. Крупнейшие партии системы являются ведущими акторами и в тех избирательных единицах, где региональные акторы играют заметную роль. Во-вторых, в Хорватии формально отсутствуют институциональные условия административно-территориального свойства для возникновения стабильного горизонтального разделения в партийной системе (прежде всего, именно по этому параметру хорватская партийная система отличается от партийной системы Сербии). Поэтому упомянутый элемент регионализма не составляет особой подсистемы, ни, тем более, отдельной партийной системы в рамках национальной хорватской партийной системы. Невозможно также говорить и о вертикальном разделении в партийной системе, поскольку в целом более или менее гомогенный в этническом отношении состав населения Хорватии не приводит к сегментации электората по этому основанию.

Социальные основания возникновения внутренних разделений в партийных системах государств Западных Балкан

Как мы уже отмечали, на присутствие вертикальных и горизонтальных разделений в партийных системах непосредственное влияние оказывают, соответственно, фактор наличия обособленных социальных групп (как правило, организованных по этническому основанию, как в случае с Боснией и Герцеговиной) и наличие нескольких уровней протекания политического процесса, связанных с определенным институциональным и административно-территориальным устройством государства (как в случае с Сербией).

В принципе, в той или иной степени определенные признаки вертикального разделения могут быть характерны для любых полиэтнических государств с электоральными корпусами, разграниченными на этом основании в большей или меньшей степени. Присутствие же горизонтального разделения в ярко выраженном виде ограничивается партийными системами государств с наличием элементов децентрализации, где существует несколько уровней протекания политического процесса. *Различия в степени выраженности внутренних разделений определяются тем, насколько сильно данные разделения являются значимыми для формирования основных тенденций протекания соревновательных процессов в партийной системе, т.е. насколько сильно и успешно эти внутренние разделения канализированы акторами в политическом процессе.*

Внутренние разделения в партийных системах не существуют вне связи со структурными элементами системы. Напротив, они могут быть в них встроены в высшей степени гармонично. В этом, в частности, проявляется взаимосвязь разделений, выделенных Барди и Мэром, и идеологических измерений партийной системы. В Сербии горизонтальное разделение партийной системы органично сосуществует с ее основными идеологическими измерениями; такая же ситуация наблюдается и с латентно присущими элементами горизонтального разделения в партийной системе Хорватии. В ситуации же с Боснией и Герцеговиной основные акторы партийной системы настолько сильно актуализируют элементы вертикального разделения в преобладающем паттерне соревнования в системе, что само это разделение во многом становится определяющим вектором развития системной межпартийной конкуренции (см.: Елсаков, 2017). Иными словами, условная партия социал-демократической идеологической ориентации (например, из сербского электорального корпуса) будет скорее сотрудничать на парламентском уровне партийной системы не с другой условной социал-демократической партией (но происходящей из другого этнически определенного электорального корпуса), а с партией иной программной ориентации, но также принадлежащей к сербскому электоральному корпусу³. И несмотря на то, что ситуация медленно эволюционирует в направлении приобретения классическими идеологическими измерениями большей значимости для партийной системы Боснии и Герцеговины, все же, принимая во внимание устойчивость вертикального разделения, можно предположить, что его возможная меньшая значимость в будущем для парламентской и правительственной партийных систем (в связи с большей перспективностью стратегий сотрудничества на этих аренах) будет проявляться параллельно с сохранением четкой видимости этого разделения на электоральной арене. То есть добровольная или вынужденная склонность к сотрудничеству между партиями различных национальных корпусов будет превалировать над усилением веса партий «гражданской» ориентации в партийной системе; и скорее партии определенного электорального корпуса будут приобретать больший стимул к кооперации с партиями другого электорального корпуса, нежели можно ожидать появления партий, в действительности конку-

³ Настолько, насколько возможно вести речь о четко определенной программно-идеологической ориентации политических партий в Центрально-Восточной Европе по сравнению с партийными системами Западной Европы как следствии процессов не до конца завершенной институционализации партийных систем в государствах ЦВЕ. Мнения в академической среде здесь расходятся. Позиция автора настоящей статьи схожа с позицией исследователей, считающих такое разграничение в настоящий момент уже излишне преувеличенным, так как основные паттерны идеологической поляризации современных партийных систем стран ЦВЕ не отличаются кардинально по этому критерию от партийных систем стран Западной Европы (напр., см.: Marks et al., 2006; о противоположном подходе, напр., см.: Mainwaring and Zoco, 2007), а неопределенность программно-политических позиций партий имеет место в настоящий момент и на Западе, где она связана с новой ступенью развития партии как организации и возникновением актуальных для политического дискурса вопросов «новой политики» (т.н. «new politics» issues).

рирующих на политическом пространстве, пересекающем границы этнически определенных сообществ, и чьим электоратом бы в равной степени являлись представители всех этнических групп.

Еще раз подчеркнем, что, как утверждают Лучано Барди и Питер Мэр (Bardi and Mair, 2008), присутствие в партийной системе внутренних разделений может приводить к тому, что не приходится говорить о политике как имеющей единственную и целостную партийную систему. При этом значимость внутренних разделений для партийной системы может варьироваться, и реальная степень несоответствия между отдельными функциональными аренами партийной системы будет зависеть от степени изолированности каждой из них. Нетрудно заметить, что выделенные нами в партийных системах Боснии и Герцеговины, Сербии и Хорватии разделения тесно связаны с наличием и значимостью определенных социальных расколов. Концепцию влияния присущих политиям социальных расколов (social cleavages) на формирование партийных систем в Западной Европе развили Сеймур Мартин Липсет и Стейн Роккан (см.: Lipset and Rokkan, 1967) для формулировки своей гипотезы о «замораживании» (т.н. «freezing hypothesis») западноевропейских партийных систем начала XX в., согласно которой социальные расколы, произведенные промышленной («город – село» и «собственники – рабочие») и национальной («центр – периферия» и «государство – церковь») революциями, надолго сформировали европейский партийный ландшафт, поскольку оказались глубоко социально устойчивыми. Долгое время концепция социальных расколов как структурных обстоятельств, влияющих на партийную самоидентификацию индивидов в зависимости от их принадлежности к определенной социальной группе, считалась классической для объяснения становления и развития партийных систем Западной Европы, наряду с осознанно избираемыми политическими акторами стратегиями своего поведения (см.: Sartori, 1976). Вне всякого сомнения, модель Липсета и Роккана, впоследствии неоднократно критикуемая за излишнюю статичность, сохраняет свою актуальность и по сей день. Например, раскол «город – село» сейчас может быть представлен в качестве регионального различия, к примеру, между более развитыми урбанизированными и менее развитыми сельскими территориями; раскол «собственники – рабочие» может быть представлен как различие в социо-экономическом статусе определенных групп населения; раскол «центр – периферия» может быть представлен как культурные различия между социальными группами, в том числе с точки зрения фактора этнической идентичности; раскол «церковь – государство» может быть представлен как различия в мировоззренческих ценностях индивидов, в частности, с точки зрения фактора религиозности или секулярности.

Согласно Стефано Бартолини и Питеру Мэру (Bartolini and Mair, 1990), политическое разделение (political division) должно содержать три элемента для того, чтобы составлять раскол: во-первых, эмпирический элемент (например, социальный класс, религиозная группа, общественный статус); во-вторых,

нормативный элемент (ценности и убеждения, обеспечивающие чувство идентичности для социальной группы); и, в-третьих, организационный элемент, который канализирует электоральное поведение индивидов (голосование) или связывает его с политическими организациями, такими, как политические партии. Определение расколов, как имеющих три элемента — эмпирический, нормативный и организационный, где раскол должен рассматриваться, главным образом, как «форма закрытия социальных отношений», — оставляет теоретическую возможность для того, чтобы и другие факторы могли генерировать расколы. Некоторые исследователи посткоммунистической Европы полагают, что в силу политической истории стран ЦВЕ, отличающейся от западноевропейского образца, многие из «классических» расколов Липсета и Роккана оказываются размытыми либо присутствуют в этих странах в видоизмененном формате. Несомненно, однако, то, что глубокие вертикальные и в известной степени горизонтальные разделения могут иметь расколообразующий потенциал как для государств Западной Европы, так и для государств ЦВЕ. Габор Тока (Tóka, 1998) отмечает, что «требование социального закрытия подразумевает, что лишь немногие квази-демографические различия (класс, этно-религиозная или региональная идентичность, городское — сельское местожительство) могут являться основой для (полноценных — А.Е.) расколов».

В случае с Боснией и Герцеговиной вертикальное разделение обладает всеми атрибутами, относящимися к дефиниции раскола: наличием имеющих четкую самоидентификацию социальных групп со своими ценностями и интересами, и представляющими эти интересы политическими организациями. Именно поэтому вертикальное разделение в партийной системе Боснии и Герцеговины настолько сильно, чтобы образовывать в высокой степени изолированные партийные системы электорального уровня. Горизонтальное разделение в партийной системе Сербии гораздо менее значимо, нежели вертикальное для партийной системы Боснии и Герцеговины, и не базируется на социальном расколе структурного характера. Как отмечает Алпар Лошонц (Lošonc, 2002), на протяжении истории численность различных этнических групп в Воеводине и степень их обладания ресурсами постоянно менялись, а сами эти группы по-разному оценивали вхождение Воеводины в состав различных политико-государственных образований. Поэтому, несмотря на свою несомненную историческую специфику, характеризующую культурной многослойностью, Воеводина не располагает всеми атрибутами для развития в ней сильной и стабильной формы регионализма на основе «ненасильственного консенсуса». Не существует и структурных условий для появления полноценного раскола в партийной системе на регионалистской основе. Как результат, отсутствует и единство среди акторов партийной системы, необходимое для придания регионализму такой релевантности, которая бы могла сделать его основой структурного раскола, способного образовать различающиеся между собой партийные системы национального и регионального уровней на основе горизонтального разделения. Тем не менее, это внутреннее разделение в пар-

тийной системе Сербии, способствуя существованию специфического паттерна функционирования партийной системы на региональном уровне с присутствием ряда региональных акторов и особенностями протекания регионального политического процесса, образует региональную подсистему в рамках национальной партийной системы. Наконец, специфика партийной системы Хорватии, выражающаяся в наличии ряда сильных региональных акторов при унитарном характере государственного развития, является примером того, как латентно присутствующее в партийной системе горизонтальное разделение не образует особой подсистемы, не говоря уже об отдельной партийной системе, в том числе по причине того, что потенциал горизонтального разделения, способный в некоторой мере разделить целостную политику, абсорбируется избирательной системой.

Разделения вертикального и горизонтального характера могут быть взаимосвязаны таким образом, что выраженность первого из них может усиливаться элементами, свойственными второму разделению (такими как децентрализованность политики, влекущая за собой существование органов власти различных уровней и пр.), но в любом случае разделение вертикального характера будет проявляться более остро, нежели разделение горизонтального характера. Например, аспект вертикального разделения, относящийся к парламентской арене партийной системы Боснии и Герцеговины, формально может быть представлен и как горизонтальное разделение, связанное с наличием у акторов возможности действовать в условиях децентрализации государственного управления, в конкретном случае — специфического государственного устройства Боснии и Герцеговины с двумя энтитетами. Между тем, это условное горизонтальное разделение фактически является вторичным по отношению к разделению вертикального характера, так как вопросы полномочий органов власти различного уровня в государстве становятся центрально значимыми не вследствие актуальности вопросов регионализма *per se*, а по причине, определяющей значимости вопросов взаимоотношений между этническими сообществами для межпартийного соревнования в системе. Именно это обстоятельство предопределяет актуальность тематики полномочий органов власти как механизма защиты интересов своего сообщества. Поэтому явления, способствующие возникновению вертикального разделения, могут в перспективе привести к присутствию горизонтального разделения — когда политический конфликт между сообществами выливается в создание дополнительных, наряду с национальным, уровней управления в государстве (что имеет место в партийной системе Боснии и Герцеговины), в то время как маловероятно, что явления, обуславливающие присутствие горизонтального разделения, приведут к полноценному вертикальному разделению в условиях отсутствия организованных, имеющих четкую идентичность и противостоящих друг другу (или государственному уровню управления) сообществ (особенно в условиях отсутствия консенсуса среди региональных акторов относительно места и роли региона в системе государственного управления национального масштаба, о чем свидетельствует пример партийной системы Сербии).

Библиографический список

1. Елсаков, А. С. (2017). Основные характеристики партийной системы Боснии и Герцеговины. *Регионоведение Regionology*, 25 (3), 316–353.
2. Bardi L., Mair P. (2008). The Parameters of Party Systems. *Party Politics*, 14 (2), 147–166.
3. Bartolini, S., Mair, P. (1990). *Identity, Competition, and Electoral Availability: The Stability of European Electorates, 1885–1985*. Cambridge.
4. Kapidžić, D. (2015). Stranački sustav, u: N. Mujagić i S. Arnautović (ur.) *Politički pluralizam i unutarstranačka demokratija. Nacionalna studija za Bosnu i Hercegovinu*. (ss. 33–51). Podgorica.
5. Kitschelt, H. (1992). The Formation of Party Systems in East Central Europe. *Politics and Society*, 20 (1), 7–50.
6. Kitschelt, H. (1995). Formation of Party Cleavages in Post-Communist Democracies. *Party Politics*, 1 (4), 447–472.
7. Lijphart, A. (1969). Consociational Democracy. *World Politics*, 2 (21), 207–225.
8. Lijphart, A. (1977). *Democracy in Plural Societies*. Yale.
9. Lipset, S. M., Rokkan, S. (1967). Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction. In S. M. Lipset, S. Rokkan (Eds.) *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives* (pp. 1–64). New York.
10. Lošonc, A. (2002). Vojvodina kao stecište regionalnih tendencija, u: D. Vujadinović et al. (ur.) *Između autoritarizma i demokratije: Srbija, Crna Gora, Hrvatska. Knj. 1, Institucionalni okvir* (ss. 331–349). Beograd.
11. Mainwaring, S., Zoco, E. (2007). Political Sequences and the Stabilization of Interparty Competition: Electoral Volatility in Old and New Democracies. *Party Politics*, 2 (13), 155–178.
12. Marks, G. et al. (2006). Party Competition and European Integration in the East and West: Different Structure, Same Causality. *Comparative Political Studies*, 2 (39), 155–175.
13. Mujagić, N. (2015). Politički sistem, u: N. Mujagić i S. Arnautović (ur.) *Politički pluralizam i unutarstranačka demokratija. Nacionalna studija za Bosnu i Hercegovinu*. (ss. 13–29). Podgorica.
14. Pedersen, M. N. (1979). The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility. *European Journal of Political Research*, 7 (2), 1–26.
15. *Popis stanovništva, domaćinstava/kućanstava i stanova u Bosni i Hercegovini 2013. godine* (2016). Sarajevo.
16. Sartori, G. (1976). *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. Cambridge, New York.
17. Tóka, G. (1998). Party Appeals and Voter Loyalty in New Democracies. *Political Studies*, 46, 589–610.
18. Veljak, L. (2002). Teritorijalna organizacija i regionalizam — hrvatski slučaj, u: D. Vujadinović et al. (ur.) *Između autoritarizma i demokratije: Srbija, Crna Gora, Hrvatska. Knj. 1, Institucionalni okvir* (ss. 315–330). Beograd.
19. *Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Republici Srpskoj 2013. godine* (2016). Бања Лука.

Статья поступила в редакцию 15.10.2017.

VERTICAL AND HORIZONTAL DIVISIONS IN PARTY SYSTEMS OF STATES IN WESTERN BALKANS: CASES OF BOSNIA AND HERZEGOVINA, SERBIA AND CROATIA

Elsakov A. S.

Elsakov Anton Sergeevich, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg,
Universitetskaja nab., 7/9. E-mail: anton.elsakov@gmail.com

The article investigates the degree of heterogeneity of the Western Balkans' party systems, and applies the concept of Bardi and Mair in order to define whether there are pronounced vertical and horizontal divisions in their party systems. The examples are the party systems of Bosnia and Herzegovina, Serbia and Croatia. Mentioned divisions are able to influence both the composition and the quantity of the system actors, as well as the prevailing mode of interparty competition in the system. The significant presence of those divisions can insulate particular party system's functional arenas, where the competition takes place, to such an extent, that it is almost impossible to speak of one unified party system, but rather of a range of subsystems, or, even some party systems inside one polity. In the long run, the integrity of any given party system is defined by the degree of presence of the divisions in the national party system, and, hence, by the degree of separation of particular parts of the party system from each other. The data on the particularity of the electoral systems, on the administrative-territorial structure and on the main political actors which are related directly to the mentioned divisions suggest that they can be important in a varying degree for the functioning of party systems of the countries concerned. First, there are actually several, well-insulated from each other, party systems in Bosnia and Herzegovina, especially at the electoral level; second, the Serbian party system comprises a regional subsystem that differs significantly from the national level; and, third, the party system of Croatia remains unified but contains the pronounced regional cluster inside.

Keywords: political parties, party system, electoral system, subsystem of a party system, functional arena, vertical division, horizontal division, social cleavage, Bosnia and Herzegovina, Serbia, Croatia, Western Balkans.

References

1. Bardi L. & Mair P. (2008). The Parameters of Party Systems. *Party Politics*, 14 (2), 147–166.
2. Bartolini, S. & Mair, P. (1990). *Identity, Competition, and Electoral Availability: The Stability of European Electorates, 1885–1985*. Cambridge.
3. Elsakov, A. S. (2017). Osnovnye karakteristiki partijnoj sistemy Bosniji i Gercegoviny [The Main Characteristics of the Party System of Bosnia and Herzegovina]. *Regionologiya Regionology*, 3 (25), 316–353.
4. Kapidžić, D. (2015). Stranački sustav [The Party System] In N. Mujagić, S. Arnautović (Eds.) *Politički pluralizam i unutarstranačka demokratija. Nacionalna studija za Bosnu i Hercegovinu* [Political Pluralism and Intra-Party Democracy. A Case Study for Bosnia and Herzegovina] (pp. 33–51). Podgorica.
5. Kitschelt, H. (1992). The formation of party systems in East Central Europe. *Politics and Society*, 20 (1), 7–50.
6. Kitschelt, H. (1995). Formation of party cleavages in post-communist democracies. *Party Politics*, 1 (4), 447–472.
7. Lijphart, A. (1969). Consociational Democracy. *World Politics*, 2 (21), 207–225.
8. Lijphart, A. (1977). *Democracy in Plural Societies*. Yale.

9. Lipset, S. M. & Rokkan, S. (1967). Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction. In S. M. Lipset, S. Rokkan (Eds.) *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives* (pp. 1–64). New York.
10. Lošonc, A. (2002). Vojvodina kao stecište regionalnih tendencija [Vojvodina as an Intersection of the Regional Trends]. In D. Vujadinović et al. (Eds.) *Između autoritarizma i demokratije: Srbija, Crna Gora, Hrvatska. Knj. 1, Institucionalni okvir* [Between Authoritarianism and Democracy: Serbia, Montenegro, and Croatia. Vol. 1, An Institutional Framework] (pp. 331–349). Beograd.
11. Mainwaring, S. & Zoco, E. (2007). Political Sequences and the Stabilization of Interparty Competition: Electoral Volatility in Old and New Democracies. *Party Politics*, 2 (13), 155–178.
12. Marks, G., et al. (2006). Party Competition and European Integration in the East and West: Different Structure, Same Causality. *Comparative Political Studies*, 2 (39), 155–175.
13. Mujagić, N. (2015). Politički system [The Political System]. In N. Mujagić, S. Arnautović (Eds.) *Politički pluralizam i unutarstranačka demokratija. Nacionalna studija za Bosnu i Hercegovinu* [Political Pluralism and Intra-Party Democracy. A Case Study for Bosnia and Herzegovina] (pp. 13–29). Podgorica.
14. Pedersen, M. N. (1979). The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility. *European Journal of Political Research*, 7 (2), 1–26.
15. *Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Republici Srpskoj 2013. godine* (2016) [Census of Population, Households and Dwellings in Republika Srpska 2013]. Banja Luka.
16. *Popis stanovništva, domaćinstava/kućanstava i stanova u Bosni i Hercegovini 2013. godine* [Census of Population, Households and Dwellings in Bosnia and Herzegovina 2013]. (2016). Sarajevo.
17. Sartori, G. (1976). *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. Cambridge, New York.
18. Tóka, G. (1998). Party Appeals and Voter Loyalty in New Democracies. *Political Studies*, 46, 589–610.
19. Veljak, L. (2002). Teritorijalna organizacija i regionalizam — hrvatski slučaj [Territorial Organization and Regionalism: The Case of Croatia]. In D. Vujadinović et al. (Eds.) *Između autoritarizma i demokratije: Srbija, Crna Gora, Hrvatska. Knj. 1, Institucionalni okvir* [Between Authoritarianism and Democracy: Serbia, Montenegro, and Croatia. Vol. 1, An Institutional Framework] (pp. 315–330). Beograd.